Информация для цитирования:

Гришина Я. С., Борисова Л. В. Принцип добросовестности в реализации и защите субъективных гражданских прав сторон договора в Англии и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 45–65. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-45-65.

Grishina Ya. S., Borisova L. V. Printsip dobrosovestnosti v realizatsii i zashhite sub"ektivnykh grazhdanskikh prav storon dogovora v Anglii i Rossii [Good Faith Principle in Exercising and Protection of Civil Rights of Contracting Parties in the Laws of England and Russia]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. Pp. 45–65. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-06-25.

УДК 347.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-45-65

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ СТОРОН ДОГОВОРА В АНГЛИИ И РОССИИ

Я. С. Гришина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Российский государственный
университет правосудия
117418, Россия, г. Москва,
ул. Новочеремушкинская, 69

ORCID: 0000-0002-6339-7565

Researcher ID: A-1979-2017

E-mail: grishinel@inbox.ru

Л. В. Борисова

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник Сектора гражданского
права, гражданского и арбитражного процесса
Институт государства и права
Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0001-7706-0886

ResearcherID: A-1649-2019

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.09.2019

Введение: статья посвящена анализу принципа добросовестности в реализации и защите субъективных гражданских прав участников договорных отношений по праву Англии и России. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, данный принцип все чаще применяется в практике английских судов в качестве условия, подразумеваемого правом (*implication in law*), в имплицитных контрактах (*relational contract*), предполагающих фидуциарные отношения сторон договора, в концепциях английского обязательственного права, а также защите слабой стороны договора. В этой связи изучение и внедрение положительного английского опыта практики применения принципа добросовестности приобретает особое значение для обязательственного права России. **Цель:** на основе анализа научных источников и материалов судебной практики сформировать общее представление о принципе добросовестности и практике его применения в обязательственном праве Англии и России. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Частнонаучные методы:** юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** установлена общность в подходах к определению сферы применения и критериев оценки соответствия поведения сторон принципу добросовестности в обязательственном праве Англии и России; предложено более четкое представление о данном начале в российской доктрине и правоприменительной практике.

Выводы: в цивилистической науке и судебной практике необходимо применять используемый английскими и российскими исследователями подход в понимании добросовестности с точки зрения объективной и субъективной составляющих. В первом случае использовать критерий «знал – не знал», во втором – исходить из поведения обычного, честного участника договора на основании основных критериев: учет сторонами прав и законных интересов друг друга и ненарушение баланса между ними; предоставление полной или достоверной информации; проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора; оказание взаимного необходимого содействия для достижения цели договора; соблюдение сложившихся деловых отношений.

Ключевые слова: принцип добросовестности; основополагающее начало; презумпция; критерии; разумность; эстоппель; обязательственное право; договор

GOOD FAITH PRINCIPLE IN EXERCISING AND PROTECTION OF CIVIL RIGHTS OF CONTRACTING PARTIES IN THE LAWS OF ENGLAND AND RUSSIA

Ya. S. Grishina

Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya st.,
Moscow, 117418, Russia
ORCID: 0000-0002-6339-7565
ResearcherID: A-1979-2017
E-mail: grishinel@inbox.ru

L. V. Borisova

Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia
ORCID: 0000-0001-7706-0886
ResearcherID: A-1649-2019
E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Received 09.09.2019

Introduction: the article analyzes the good faith principle in exercising and protection of civil rights of parties to contractual relations in the laws of England and Russia. While not being legislatively recognized, this principle is increasingly used in the practice of English courts as an implication in law, in relational contracts involving fiduciary relations of contracting parties, as part of the concepts of English law of obligations, and for protection of the weaker party to a contract. In this regard, the study and borrowing of successful English practices of applying the good faith principle is of particular importance for Russian law of obligations. **Purpose:** based on the analysis of scientific sources and materials of judicial practice, to develop a general idea of the good faith principle and the practice of its application in the law of obligations in England and Russia. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: juridical-dogmatic method and legal regulations interpretation. **Results:** the study revealed the commonality of approaches to determining the scope of application and the criteria for assessment of the parties' behavior compliance with the good faith principle in the law of obligations in England and Russia. At the same time, the paper demonstrates a more distinct idea of this fundamental in Russian doctrine and law enforcement practice. **Conclusions:** civil science and judicial practice should apply the approach used by English and Russian researchers for understanding good faith in terms of the objective and subjective components. In the first case, we mean criterion 'knew – did not know', in the second case we mean proceeding from the behaviour of a typical, fair contracting party on the basis of the key criteria: the parties' respect for the rights and legitimate interests of each other and non-infringement of the balance between them; provision of complete or accurate information; demonstration of care and diligence while concluding the contract; provision of mutual assistance to achieve the objectives of the contract; observance of the established business relations.

Keywords: good faith principle; fundamental; presumption; criteria; reasonableness; estoppel; law of obligations; contract

Введение

Известный еще римскому праву принцип добросовестности «*bona fides*» (добрая совесть) сегодня получил достаточно широкое распространение в праве государств общего и континентального права, таких как Бельгия, Германия, Дания, Италия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария и др.

В Англии идея добросовестности была принята в конце XIV века созданным в этот период Канцлерским судом: канцлер, будучи знатоком средневекового канонического права, применял принцип добросовестности к делам о деяниях, наносящих ущерб доверию (*laesio fidei*) [37, pp. 123, 163]. Соблюдать его предписывалось и при заключении договора, когда стороны должны были исходить из «представлений о добропорядочности и честности» (*ut inter bonos agier oportet*) [27].

К началу XIX века английские суды ограничили ареал применения принципа добросовестности в связи с приданием наибольшего значения принципам свободы договора и автономии воли сторон [38, pp. 156, 158]. По этой же причине во все последующие исторические периоды правило о добросовестности сторон обязательственных отношений так и не получило своего законодательного закрепления. Как утверждает М. Маккендрик, это обусловлено тем, что английское обязательственное право предполагает строго определенные судебные решения и, соответственно, не может основываться на широких юридических принципах и субъективном подходе к оценке условий договора [42, pp. 239–240].

Таким образом, принцип добросовестности в контексте, существовавшем в средневековом каноническом праве, применялся в английской судебной практике весьма ограниченно. И только во второй половине XX века, когда недобросовестное поведение стало рассматриваться английскими судами как основание для взыскания в судебном порядке убытков с виновной стороны¹, роль данного начала стала повышаться.

В современный период наблюдается усиление значения принципа добросовестности. Как следует из практики Высокого суда правосудия, условие о добросовестном поведении

участников обязательственных отношений все чаще включается в контракты, попадающие в сферу юрисдикции английских судов, в том числе в имплицитные контракты (*relational contract*), предполагающие фидуциарные отношения сторон².

Принцип добросовестности применяется по трудовым договорам, а также в случаях, когда стороны самостоятельно предусмотрели выполнение его требований в заключенном соглашении.

Понятие добросовестности получает развитие в рамках концепций английского договорного права. В числе таких концепций: лишение права на возражение (обязательственного эстоппеля) (*promissory estoppel*); введение в заблуждение (*misrepresentation*); ненадлежащее влияние (*undue influence*) и др.

Изучение плана реализации принципа добросовестности в английских контрактах востребовано для его разработки применительно к российской правовой системе. В частности, в доктринальном аспекте существует объективная потребность в исследовании взглядов английских юристов на сущность реализации принципа добросовестности в обязательственных отношениях, а также на критерии его применения и использования, которые не определены в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ).

С точки зрения правоприменения, используя опыт английских судов, возможно выявить недостатки в российской судебной практике, в том числе на уровне различных правовых концепций. Так, в России нормативные положения об обязательном эстоппеле только получают свое развитие, тогда как практика английских судов в данном отношении является уже устоявшейся.

Рассмотрение принципа добросовестности в обязательственном праве Англии актуально и в правотворческом аспекте. Совершенствование действующих норм о добросовестности не может ограничиваться только их изучением с правовых позиций, а, как нам представляется, должно иметь нравственно-этическое обосно-

¹ *Banque Keyser Ullmann SA v Skandia (UK) Insurance Co Ltd* [1987] 2 All ER 923.

² *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corporation Ltd* [2013] EWHC 111 (QB).

³ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.*

вание, которое позволит осмыслить данный принцип во всей его полноте и многогранности. Английская доктрина и судебная практика сформировали свой подход к пониманию добросовестности как нравственно-этического стандарта договора (*terms implied in fact*). Исследование данного подхода способно определить степень его применимости в отечественном законодательстве и, возможно, предложить на этой основе рекомендации по необходимому законодательному совершенствованию.

Сфера применения принципа добросовестности

В отличие от иных правопорядков континентально-правовой семьи, в частности Германии, где принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) служит общим правовым принципом и применяется при исполнении обязательств и толковании гражданско-правовых договоров¹, в английском праве данная идея так и не получила своего надлежащего законодательного оформления. Как метко отметил М. М. Бридж, добросовестность применяется в английской судебной практике как этическое условие (*terms implied in fact*), осторожно маскируясь в различных договорно-правовых конструкциях, однако вполне возможно, что в результате систематического применения будет оформлено в качестве условия, применяемого правом (*terms implied in law*) [39, p. 385].

Некоторые английские правоведы не видят необходимости в признании добросовестности в качестве общего принципа английского договорного права, полагая, что правовая система Англии имеет достаточное количество эффективных правовых конструкций, позволяющих разрешать споры без использования принципа добросовестности. По их мнению, утверждение данного этического императива приведет к неопределенности в правоприменении [42, pp. 142, 159]. Поэтому в своих решениях Высокий суд правосудия, как правило, отрицал наличие общего принципа добросовестности. Например, по делам «Майерс против Кестрел Аквизишенз Лтд (Кестрел) и другие» и «Хамсард 3147 Лтд против Бутс ЮКей Лтд» суд акцентировал внимание на отсутствии в английском праве общего принципа добросовестности,

а также общей обязанности, вытекающей из всех договоров, действовать добросовестно².

Тем не менее на фоне все возрастающего взаимного влияния правопорядков различных правовых семей отрицательное отношение к признанию принципа добросовестности в английском договорном праве не является всеобщим. Многие правоведы поддерживают его законодательное признание, отмечая, что его использование не привнесет в правоприменение большей неопределенности, чем та, которая уже существует при толковании договоров. Это также позволит освободить суды от необходимости деформировать договорно-правовые инструменты, чтобы достичь справедливого результата и уменьшить риск противоречивых решений, принимаемых на основании разнообразных правовых концепций [39; 45].

В последних решениях Высокий суд правосудия и иные английские суды стали признавать наличие принципа добросовестности в английских контрактах, применяемого независимо от воли сторон в качестве условия, подразумеваемого правом (*implication in law*). На сегодняшний день именно данный правовой подход чаще всего используется в правоприменительной практике английских судов по принципу добросовестности.

Так, в широко известном и наиболее цитируемом в юридической литературе деле «Ям Сенг ПТЕ Лтд против Интернейшнел Трейд Корпорейшен Лтд (ИТК)» Высокий суд правосудия признал, что отрицание общей обязанности вести себя добросовестно означает «плыть против течения»³. По данному делу между дистрибьютором и поставщиком, не предоставившим необходимую информацию, суд признал, что соглашение сторон является договором, предполагающим высокую степень взаимного доверия (*relational contracts*), а потому по такому контракту одна сторона может полагаться на добросовестное сотрудничество другой. При этом добросовестность хотя и не предусмотрена условиями контракта, однако следует из понимания сторонами ее сущности,

¹ MSC Mediterranean Shipping Co v Cottonex Anstalt [2015] EWHC 283, Rn. 97.

² Myers and another v Kestrel Acquisitions Ltd (Kestrel) and others [2015] EWHC 916, Rn. 40Ф; Hamsard 3147 Ltd and another v Boots UK Ltd [2015] EWHC 3251, Rn. 86.

³ Yam Seng PTE Ltd v International Trade Corporation Ltd [2013] EWHC 111 (QB) [Электронный ресурс] // British and Irish Legal Information Institute. 2013. URL: <http://www.bailii.org/ew/cas-es/EWHC/QB/2013/111.html> (дата обращения: 31.02.2020).

а потому необходима для надлежащего исполнения. Итогом решения по данному делу стало признание судом того, что, исходя из предполагаемых намерений сторон, принцип добросовестности может являться подразумеваемым условием любого договора.

Дополнение о подразумеваемой обязанности вести себя добросовестно включено в договор по делу *Bristol Groundschool Limited v Intelligent Data Capture Limited*. Суд установил, что Бристол допустил существенное нарушение договора в результате неавторизованного скачивания данных с компьютерной системы Интиллиджен, на основании чего договор может быть расторгнут¹.

Аналогичные решения приняты Высоким судом правосудия по иным делам, в том числе *D&G Cars Ltd v Essex Police Authority*², *Emirates Trading Agency Llc v Prime Mineral Exports Private Ltd*³, *Portsmouth City Council v Ensign Highways Ltd*⁴ и др.

На основании изложенного можно говорить о том, что в английской судебной практике добросовестность все чаще применяется судами в качестве условия, подразумеваемого правом. При этом, по мнению Высокого суда правосудия, обязанность сторон действовать добросовестно означает соответствие стандартам добропорядочной и открытой деловой практики, честного и справедливого исполнения договора. Добросовестность вытекает из обстоятельств дела и предполагается в случае, если отношения сторон являются тесными и подразумевают достаточную степень взаимного доверия, чтобы можно было говорить об обязанности действовать честно, порядочно и открыто. Именно данные качества, по мнению суда, характеризуют добросовестность.

Также отметим, что в практике английских судов представления о добросовестности реализуются не только как условие, подразумеваемое правом, но и в составе иных правовых концепций. Так, в частности, можно указать на использование механизмов введения в заблуждение (*misrepresentation*), ненадлежащего влияния (*undue influence*), лишения права на возращение, т. е. обязательственного эстоппеля (*promissory estoppel*) и др.

Одной из базовых концепций английского права является обязательственный эстоппель (*promissory estoppel*), предполагающий запрет на противоречивое поведение стороны в договоре. В переводе с английского термин «эстоппель» (*estoppel*) означает «остановиться». Впервые он был использован в праве Англии на рубеже XVI–XVII веков и применяется до настоящего времени для обозначения препятствования стороне по делу представлять доказательства, противоречащие предыдущим ее заявлениям [32, с. 5]. Исходя из этого, в случае если сторона договора признала что-либо в конкретных условиях или заняла определенную позицию, то в дальнейшем она не может поступать непоследовательно. Следствием такого недобросовестного поведения является утрата стороной договора права последующего отказа от ранее добросовестно совершенных легитимных действий, имеющих юридически значимые последствия.

В английском судебном правоприменении эстоппель воспринимается не как целостное явление, а как совокупность действий, необходимых для наступления правовых последствий. Поэтому для применения данного правила английские суды устанавливают следующие основания: 1) одна из сторон договора должна действовать таким образом, чтобы ее намерения были очевидны для другой стороны; 2) сторона, которая полагается на обещания и заверения другой стороны, должна действовать разумно и добросовестно; 3) реализация одной из сторон прав в явном противоречии с данными ранее обещаниями или предшествовавшим поведением должна явным образом нарушать права другой стороны [21]. Для применения названных оснований не имеет правового значения осознание стороной договора того, что своим поведением она вводит другую сторону в заблуждение. В силу данного правила имеют значение только действия стороны, а не ее намерения [49, р. 34].

¹ *Bristol Groundschool Ltd v Intelligent Data Capture Ltd* [2015] EWHC 2145 (Ch), Rn. 196. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2014/2145.html> (дата обращения: 02.01.2020).

² *D&G Cars Ltd v Essex Police Authority* [2015] EWHC 226 (QB). URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2015/226.html> (дата обращения: 02.01.2020).

³ *Emirates Trading Agency Llc v Prime Mineral Exports Private Ltd* [2014] EWHC 2104 (Comm). URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b1739528-b320-4bd2-90fd-83593c2ff591> (дата обращения: 31.02.2020).

⁴ *Portsmouth City Council v Ensign Highways Ltd* [2015] EWHC 1969, Rn. 112. URL: https://www.eversheds-sutherland.com/global/en/what/articles/index.page?ArticleID=en/Construction_And_Engineering/Contract_interpretation_and_the_duty_to_act_in_good_faith (дата обращения: 31.02.2020).

Таким образом, доктрина эстоппель в обязательственном праве Англии не только обеспечивает последовательное поведение сторон договора, но и выступает действенным средством защиты добросовестной стороны, полагающейся на поведение контрагента, от требований последнего.

Помимо реализации в составе положений об эстоппеле и иных правовых концепций условие о добросовестности при осуществлении предусмотренных договором прав может включаться сторонами в качестве условия в любое соглашение. При этом, как следует из практики Высокого суда правосудия, стороны свободны в установлении сферы применения данного принципа. Они вправе исключить или изменить его применение, однако должны, исходя из данного принципа, учитывать цели, которые преследовались при заключении договора. Например, по делу *McKillen v Misland (Cyprus) Investments Ltd & Ors* суд разделил условия заключенного сторонами договора на две группы: первая определяла ограничения сторон при осуществлении своих корпоративных прав на основе учета интересов другой стороны договора; вторая группа предполагала, что каждый из участников соглашения обязался действовать в духе «доброй воли» по отношению к другой стороне договора. По мнению суда, данное условие и есть отсылка к общим целям, которые стороны преследовали при заключении соглашения и которым, согласно добросовестности, должны точно и верно следовать¹.

Нередко английские суды применяют принцип добросовестности в делах, предметом которых является определение границ осуществления прав, предусмотренных договором. Так, по делу *Euroption Strategic Fund Ltd v Skandinaviska Enskilda Banken AB* [2012] Высокий суд правосудия признал, что право банка на закрытие позиции Юропшен в случае, когда клиент допустит просрочку в оплате платежей, наделяет брокера широкой мерой усмотрения, которое должно быть ограничено требованием добросовестности².

Ограничение свободы усмотрения сторон договора посредством применения принципа

добросовестности использовалось в делах *JML Direct Ltd v Freesat UK Ltd*³, *Bristol Rovers (1883) Ltd v Sainsbury's Supermarkets Ltd*⁴ и др.

Таким образом, обобщая изложенное, отметим, что в английском договорном праве принцип добросовестности применяется в качестве этического стандарта, не закрепленного в нормах права, поэтому для его реализации используются различные договорно-правовые инструменты. Данный принцип применяется английскими судами как условие, подразумеваемое правом, или в составе иных юридических концепций, а также для ограничения свободы усмотрения сторон договора и в случаях, когда они самостоятельно предусмотрели его выполнение в заключенном соглашении.

В отличие от договорного права Англии в Российской Федерации добросовестность признана общим принципом гражданского права, в том числе обязательственного, который нормативно закреплен в пункте 3 статьи 1 ГК РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

В юридической доктрине доминирующей позицией является одновременное признание добросовестности общим принципом российского права, который находит свою реализацию в семейном, предпринимательском, уголовном, международном частном и иных отраслях права и справедливо может считаться общеправовым [28].

В ГК РФ о добросовестности упоминается во многих статьях. Так, например, в статье 10 говорится о разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений; в пункте 3 статьи 53 – об обязанности органов и участников юридического лица действовать в его интересах разумно и добросовестно; в статье 147.1 содержится непосредственное указание на недобросовестного приобретателя документарных ценных бумаг, а в статьях 302, 303 ГК РФ – на добросовестного (недобросовестного) приобретателя имущества.

Заметим, что в содержании норм ГК РФ законодатель дублирует указание на добросовестность, несмотря на ее закрепление в ста-

¹ British and Irish Legal Information Institute. 2013. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2013/781.html> (дата обращения: 31.01.2020).

² *Euroption Strategic Fund Ltd v Skandinaviska Enskilda Banken AB* [2012] EWHC 584 (Comm), Rn. 129.

³ *JML Direct Ltd v Freesat UK Ltd* [2010] EWCA Civ 34.

⁴ *Bristol Rovers (1883) Ltd v Sainsbury's Supermarkets Ltd* [2016] EWCA Civ 160.

ть 1 ГК РФ в качестве основополагающего начала, что, как нам представляется, нецелесообразно ввиду распространения действия данного принципа на всю систему гражданско-правовых норм.

В сфере обязательственных отношений принцип добросовестности применяется на всех этапах: при осуществлении переговоров о заключении договора, исполнении и прекращении договорных отношений. Так, в статье 434.1 ГК РФ определено, что при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе проведения переговоров, а также по их завершении стороны должны действовать добросовестно. Например, о недобросовестности стороны на данном этапе можно говорить в случае вступления в переговоры при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, сообщении контрагенту неверной информации об условиях предстоящего договора, утаивании важных обстоятельств, несвоевременном извещении другой стороны о прекращении переговоров или внезапном и безосновательном их прекращении.

Аналогично английскому праву принцип добросовестности используется для очерчивания границ свободы усмотрения сторон договора, фактически разрушая стандарт в поведении, согласно которому если законом прямо не запрещено или не предусмотрено конкретное правило поведения, то стороны ничто не ограничивает. В этой связи можно выделить группу недействительных договоров ввиду их противоречия принципу добросовестности: кабальные соглашения, совершенные под влиянием обмана, насилия или угрозы, с выходом за пределы ограничения полномочий и т. д. В таких договорах одна из сторон или стороны знают, что, совершая договор, могут быть нарушены права и интересы другой стороны либо интересы третьих лиц, тем не менее пользуются этим знанием. Например, недействительным может быть признан договор страхования в случае, если при его заключении страхователь сообщил заведомо ложные сведения, имеющие значение для определения риска наступления страхового случая и размера возможных убытков (п. 3 ст. 944 ГК РФ).

Исследование показывает, что, как и в английском праве и правоприменении, в российском праве представления о добросовестности

реализуются через призму отдельных гражданско-правовых институтов и правовых концепций, например злоупотребления правом, приобретательной давности, виндикации и др. Так, действия перевозчика в договоре перевозки могут быть квалифицированы как злоупотребление правом в случае, если договор заведомо предусматривает возможность его неисполнения или отказа от исполнения [20, с. 13–20].

Принцип добросовестности лежит в основе концепции обязательственного эстоппеля, получающего свое развитие в практике российских судов и отраженного в пункте 5 статьи 166 ГК РФ: заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Правило последовательного и добросовестного поведения сторон договора установлено и в пункте 5 статьи 450.1 ГК РФ, в силу которого в случае, если сторона, имеющая право на отказ от договора, подтверждает его действие путем принятия от другой стороны исполнения, последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Из приведенных норм ГК РФ следует возможность применения концепции эстоппеля не только для оспаривания действительности договора, отказа стороны от его исполнения, но и для признания договора незаключенным. В то же время важно подчеркнуть, что в пункте 5 статьи 166 ГК РФ, с нашей точки зрения, речь должна идти о том, что сторона договора, а не другие лица, полагалась на поведение своего контрагента. Именно данное условие рассматривается в качестве обязательного в классической английской концепции обязательственного эстоппеля (*determined reliance*).

По существу в российском обязательственном праве нормативные положения об эстоппеле призваны решать те же задачи, что и концепция эстоппеля в Англии. Тем не менее проведенное исследование показывает, что полное отождествление рассматриваемых концепций невозможно. Дело в том, что в английском обязательственном праве эстоппель является более широкой категорией, применяемой судами в качестве универсального способа за-

щиты, в том числе наряду с понятием *waiver*, для которого необходимо прямо выраженное волеизъявление, тогда как для утраты права (эстоппель) необходимы конклюдентные действия управомоченного лица и комплекс конкретных обстоятельств [48, р. 117]. В России правило эстоппель, как одно из проявлений принципа добросовестности, запрещает непоследовательное поведение сторон договора. При этом не осуществляется полная рецепция правила эстоппеля английского права, а делается лишь отсылка к общему принципу добросовестности.

Сущность принципа добросовестности

В российской цивилистической доктрине и правоприменительной практике до настоящего времени не сложилось единого понимания принципа добросовестности, законодательное его определение в статье 1 ГК РФ отсутствует.

Цивилистами предлагается различное толкование данного принципа. Обратимся к анализу основных подходов ученых к его пониманию.

Первая группа авторов раскрывает содержание рассматриваемого принципа через категорию нравственности или понятие «добрых нравов». Так, например, Е. Е. Богданова определяет добросовестность как признанную законом систему представлений о нравственности в части поведения сторон в процессе осуществления и защиты субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей [5, с. 178–182]. В. И. Емельянов полагает, что категория добросовестности должна быть рассмотрена «через соотношение с “добрыми нравами”, представляющими собой правила поведения в обществе, сформулированные на основе обобщения массы добросовестных поступков, стремящихся к средней величине» [13, с. 91].

Вторая группа ученых предлагает учитывать интересы иных субъектов гражданского права. Например, А. А. Чукреев раскрывает содержание понятия добросовестности как обязанность участников гражданского оборота при осуществлении прав и исполнении обязанностей соблюдать права и интересы других участников имущественного оборота [35, с. 100–104]. Аналогичного мнения придерживаются В. А. Белов [2, с. 49–52], Л. В. Борисова [6, с. 69], Т. Ю. Дроздова [12, с. 107], Д. Л. Кондратюк [16, с. 90], И. Б. Новицкий [27] и др. Они утверждают, что добросовестность является

принципом гражданского права, направленным на достижение равновесия интересов между субъектами гражданского права, в том числе обязательственного. Данный принцип предполагает совершение действий в отношении субъективного права таким образом, чтобы при этом никому не причинялось вреда, не создавалось угрозы его причинения, чтобы затраты и усилия при его реализации были минимизированы.

К. И. Скловский также определяет данный принцип через исходную позицию участника гражданского оборота, который уважает своего контрагента и видит в нем равного себе [33, с. 79–94].

Еще одна группа представлена авторами, которые фактически отождествляют добросовестность и правомерность. В частности, А. А. Малиновский рассматривает добросовестность как стремление лица к правомерности своего поведения, отказу от использования пробелов в действующем законодательстве [22, с. 101–104].

В. Н. Бабаев предлагает рассматривать добросовестность через категорию добропорядочности как норму поведения лица, которая считается положительной, не противоречит правовым предписаниям, признается полезной и нужной [1, с. 87].

На наш взгляд, существующее толкование принципа добросовестности не является полным, достаточно обобщенным и не учитывает всех проявлений рассматриваемого принципа в обязательственном праве. Так, например, определение сущности рассматриваемого принципа исключительно с точки зрения нравственного императива может пояснить его общее смысловое значение. Однако, как нам представляется, добросовестное не всегда может оцениваться как нравственное. И здесь уместно привести смоделированную С. Климкиным ситуацию, когда мужчине, который стал потерпевшим в аварии, срочно требуется дорогостоящая операция. Супруга обращается за материальной помощью к своей подруге, которая согласна предоставить заем денежных средств за очень высокое вознаграждение. Вариант первый: подруга предоставила заем за очень высокое вознаграждение. Мужчине была проведена операция, он остался жив и впоследствии выздоровел. Вариант второй: подруга отказала в предоставлении займа, операция не была проведена, мужчина умер [14].

Как видим, первый приведенный пример иллюстрирует разность добросовестного и нравственного поведения, поскольку недобросовестное поведение подруги повлекло позитивный результат – спасение человека, тогда как во втором примере поведение подруги было добросовестным, однако мужчина умер. Так какое поведение следует считать нравственным?

Определение содержания понятия добросовестности стало непростой задачей не только для отечественных цивилистов, но и для английских ученых. Как заметил английский исследователь Р. Гуд, «мы в Англии полагаем трудным принять общую концепцию добросовестности, т. к. мы не знаем, что это означает на самом деле, ... добросовестность есть неопределенное понятие справедливости, которое делает судебные решения непредсказуемыми» [40].

Проблема определения содержания принципа добросовестности в английском обязательственном праве не в последнюю очередь обусловлена традиционным скепсисом по отношению к общему принципу добросовестности (*good faith*). В этой связи ее нередко приравнивают к субъективным представлениям о справедливости, трактуют как обязанность альтруистических действий либо раскрывают через понятие недобросовестности (*bad faith*) [46].

Одна из первых попыток сформулировать определение добросовестности была предпринята в 1990 году: «принцип добросовестности в английском праве происходит от правила *pacta sunt servanda* (лат.: «договоры должны соблюдаться») и других правовых норм о честности, справедливости и разумности, преобладающих в обществе, которые признаются надлежащими для изложения в новых или измененных правовых нормах» [44, р. 102].

Отдельные составляющие принципа добросовестности определил Английский апелляционный суд: добросовестность означает, что стороны не должны вводить друг друга в заблуждение. Эффект данного начала более метко передается такими определениями, как «честность в бизнесе» (*playing fair*), «выложить начистоту» (*coming clean*) или «раскрыть свои карты» (*putting one's card face upward on the table*). По существу это и есть «принцип добросовестного и открытого ведения дел»¹.

В английской правовой науке обращается внимание на весьма объемное содержание данной категории, которое «способно создать почву для злоупотребления и угрозы для развития правовой неопределенности, снижения эффективности контрактов» [50, р. 463–468].

Безусловно, опасения английских юристов не являются беспочвенными, о чем свидетельствует абстрактность в толковании анализируемого принципа. В английском договорном праве содержание добросовестности всегда зависит от конкретных условий. Критерии, которые используют ученые и практики для установления добросовестности сторон договора, являются довольно широкими и, как правило, не имеют четкого обоснования.

Таким образом, очевидна общая для правовых систем России и Англии неоднозначность и неполнота в толковании принципа добросовестности. При этом подчеркнем, что даже при наличии в англосаксонской системе такого источника права, как судебный прецедент, полностью определить содержание рассматриваемого принципа не удастся. Далее следует, что, как в российском, так и в английском обязательственном праве, разъяснение его смысла осуществляется, как правило, за счет использования других составных, а потому более сложных для восприятия понятий «честность», «открытость», «верность договору» и др.

Многие английские и отечественные правоведы предлагают раскрывать содержание принципа добросовестности через категорию «разумность» [29, с. 2–6]. В английском договорном праве добросовестность действительно (*Treu und Glauben*) обнаруживает много общих черт с принципом разумности (*reasonableness*), которому в различных областях английского договорного права придается огромное значение, в том числе при толковании договора.

Считается общепризнанным, что содержание договора должно устанавливаться с точки зрения «разумного третьего лица, которое владеет всей необходимой базовой информацией, которая была доступна сторонам на момент заключения договора» и которая должна содержать необходимые факты, имеющие значение для «интерпретации содержания договора разумным человеком (*reasonable man*)»². Так,

¹ *Interfoto Picture Library Ltd v Siletto Visual Programmes Ltd* [1989] QB 433, 439.

² *Investors Compensation Scheme Ltd v West Bromwich Building Society* [1998] 1 WLR 896, 912f.

например, в ресторане клиент делает заказ, используя старое меню, которое было оставлено на столе другим посетителем. Можно ли в данном случае оценивать оставленное меню как предложение к заключению договора по старым ценам? Согласно концепции *reasonable man* среднестатистический посетитель ресторана (разумное лицо) мог полагаться на то, что указанные в соответствующем меню цены являются действительными на момент заказа. В доктрине английского договорного права разумное лицо выполняет роль правовой фикции, помогающей суду при оценке обстоятельств спора. При этом для того чтобы подчеркнуть, что под разумным лицом понимается среднестатистический участник оборота, понятие *reasonable man* характеризуется как «человек из автобуса».

Впервые принцип разумного человека был сформулирован в деле *Blyth v Birmingham Waterworks Company* (1856 г.) 11 Ex Ch 781, где суд, определяя понятие «халатность», подчеркнул, что это «упущение делать то, что разумный человек, ориентируясь на те соображения, которые, как правило, регулируют поведение людей, будет или не будет делать»¹.

Разумный человек является «вымышленным среднестатистическим представителем английского общества, который имеет сдержанный темперамент, не страдает душевными болезнями и в различных ситуациях поступает правомерно, добросовестно и целесообразно» [25]. Если спор касается профессиональных участников, то фигура разумного человека, помимо пола и возраста, наделяется соответствующим статусом – предпринимателя, хирурга, учителя и др.

Как отмечает А. Михайлов, в известном и часто цитируемом деле Кемплина английский суд определил разумного человека как «обычное лицо любого пола, не сильно впечатлительное и не сильно агрессивное, но имеющее такое самообладание, проявление которого от него вправе ожидать другие люди» [25].

На практике применение принципа разумности стало наиболее распространенной техникой толкования договоров. При его применении должно быть определено, какое понимание спорного условия и какие действия совершило

бы разумное лицо, если бы оно оказалось на месте участников договора. При этом разумными признаются действия, которые не обязательно должны быть успешными², не должны являться следствием нарушения условий договора³, наносить вред деловой репутации или влечь чрезмерные расходы⁴ и др.

В английской правовой доктрине существуют два основных подхода к соотношению принципов добросовестности и разумности. Согласно первому из них добросовестность смешивается (отождествляется) с разумностью. Так, Судебный комитет тайного совета придает особое значение «перспективе разумного лица (*reasonable person*) и разумным ожиданиям сторон (*reasonable expectations of the parties*) договора, что определяет параллель с принципом добросовестности, где между объективным требованием добросовестности и разумными ожиданиями сторон большой разницы нет»⁵. Не случайно английская концепция *reasonable man* основывается на понятии «добрый рассудок» и включает его обязательные элементы – этичность, нравственность и добросовестность. Второй подход основан на различии рассматриваемых категорий. В соответствии с ним «необходимость вести себя честно не означает необходимости вести себя разумно» [41, р. 35; 47, pp. 1, 8].

Аналогичные английскому договорному праву подходы признает и российская цивилистическая наука. Например, В. А. Белов [2, с. 50] и А. В. Коновалов [17, с. 4–14] определяют принцип добросовестности как более общий по отношению к принципу разумности. О. А. Потапова также отмечает, что в решении вопроса о добросовестности нужно учитывать действие принципа разумности, которые тесно взаимосвязаны [30, с. 89]. Сходного мнения придерживаются Е. В. Богданов [4, с. 13], В. И. Емельянов [13, с. 117] и другие ученые.

Исследуемые принципы, бесспорно, имеют много общих черт и в российском обязательственном праве рассматриваются как пределы

² *Ninth Ave. & Forty-Second St. v. Zimmerman*, 217 A.D. 498, 217 N.Y.S. 123 (1926); *Restatement of Contracts* 2d § 350.

³ *Leonard v. New York, Albany and Buffalo Electro-Magnetic Tel.*, 41 N.Y. 544 (1870).

⁴ *Taylor v. Steadman*, 143 Ark. 486, 220 S.W. 821 (1920); *Chambers v. Belmore Land & Water*, 33 Cal. App. 78, 164 P. 404 (1917).

⁵ *Attorney General of Belize & Ors v Belize Telecom Ltd & Anor* [2009] UKPC 10, Rn. 23.

¹ URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Exch/1856/J65.html> (дата обращения: 28.01.2020).

осуществления и защиты гражданских прав, стандарты поведения участников договорных отношений. Их объединяет морально-нравственное значение, чрезвычайная гибкость и наполнение конкретным содержанием в зависимости от стечения обстоятельств.

По нашему мнению, общим для рассматриваемых категорий должно быть признание таковых в качестве основных начал гражданского законодательства. В отличие от принципа добросовестности, который, как отмечалось, нашел свое законодательное закрепление в статье 1 ГК РФ, понятию разумности в сфере договорного регулирования отведено место требования, подлежащего учету при применении пункта 2 статьи 6, абзаца 1 пункта 2 статьи 1101, абзаца 2 пункта 3 статьи 1252 и других ГК РФ. Как видим, законодатель не включил разумность в круг основных категорий гражданского законодательства, что, как нам представляется, не оправданно, тем более, что указание на данную категорию как на принцип содержится в целом ряде статей ГК РФ (например, ст. 10, 662, п. 3 ст. 53, п. 2 ст. 314 и др.). Учитывая равное значение рассматриваемых начал, полагаем необходимым законодательно закрепить принцип разумности в статье 1 ГК РФ.

Принципы добросовестности и разумности сформулированы в пункте 3 статьи 10 ГК РФ в виде презумптивной нормы, согласно которой разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

В российском законодательстве отсутствует определение понятия «презумпция». Как следует из Большого толкового словаря русского языка, «презумпция (praesumptio) – предположение, которое считается истинным, пока правильность его не опровергнута» [34, с. 773]. Однако в российской цивилистической доктрине данная категория детально изучена О. А. Кузнецовой, по мнению которой «презумпция есть прямо или косвенно закрепленное в гражданско-правовой норме индуктивное вероятное предположение, основанное на статистической связи презюмируемого факта с фактом действительным, касающееся обстоятельств, имеющих правовое значение, и влекущее правовые последствия путем необходимости его применения при условии, что не будет доказано наличие противоположного предположению» [19, с. 27].

Из данной дефиниции следует различие между принципом и презумпцией, которое заключается в том, что презумпция является лишь вероятным предположением, которое может быть опровергнуто. Принципы же по своей сути являются неопровержимыми и не могут быть опровергнуты в ходе разрешения гражданского дела. Кроме того, в отличие от правовых презумпций, действие которых, как следует из пункта 3 статьи 10 ГК РФ, распространяется только на случаи, специально указанные в законе, действие правовых принципов имеет более широкий спектр. Они адресованы всем субъектам гражданского оборота и распространяются на все гражданское законодательство. Исходя из этого отождествлять принципы и презумпции добросовестности и разумности представляется неверным.

Несмотря на общие черты принципов добросовестности и разумности, все же определять смысловое значение добросовестности посредством отождествления с разумностью полагаем ошибочным в силу, как минимум, следующих двух обстоятельств. Во-первых, как справедливо отмечается в научной литературе, принцип добросовестности подлежит применению только для оценки субъектов и их действий, тогда как принцип разумности – в том числе для оценки иных правовых явлений (вреда, расходов и т. п.). Поэтому невозможно, например, говорить о добросовестности сроков, цены, расходов и т. д. [9, с. 59]. Во-вторых, действия участников договорных отношений в конкретных ситуациях могут оцениваться как разумные, но не добросовестные. Именно в силу данного факта в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление Пленума ВАС № 62/2013) приведены различные составы недобросовестных и неразумных действий (бездействий) директора¹.

Учитывая изложенное, еще раз подчеркнем, что, несмотря на наличие у рассматриваемых категорий сходных черт, принципы разумности и добросовестности в обязательственном праве России и Англии имеют самостоятельные значения.

¹ Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

Анализируя далее имеющиеся в российской цивилистической доктрине подходы к определению сущности принципа добросовестности в обязательственном праве, отметим, что, по мнению ряда авторов, на уровне ГК РФ и иных законодательных актов невозможно закрепить исчерпывающую дефиницию данного принципа, тем более объективно невозможно предусмотреть все разнообразие возникающих между участниками обязательственного права отношений. Так, К. И. Скловский утверждает, что добросовестность не может быть исчерпывающим образом определена не только доктринально, но и легально [33, с. 79]. Аналогичным образом высказался В. В. Витрянский, обозначив невозможность определения параметров принципа добросовестности в Кодексе или ином федеральном законе [10, с. 75–86].

С нашей точки зрения, сущность принципа добросовестности действительно невозможно уместить в какую-либо единую общую дефиницию. Фактически по своему смысловому значению данный принцип наполняется конкретным содержанием только в процессе правоприменения. Как верно в этой связи заметил Б. Зеллер, «добросовестность, несмотря на ее “кажущуюся простоту”, является неуловимым понятием» [52].

Тем не менее, на наш взгляд, концептуально стоит поддержать предложение об определении содержания принципа добросовестности в российском обязательственном праве с точки зрения двух составляющих – субъективной и объективной. В настоящее время данный подход в понимании добросовестности используется английскими исследователями. При этом первая из упомянутых составляющих рассматривается как обязанность сторон договора поступать по отношению друг к другу честно и справедливо, а также не совершать действия, не предусмотренные договором, противоречащие практике сложившихся между сторонами отношений. Считается, что в соответствии с условиями договора и в процессе его исполнения стороны должны учитывать взаимные разумные ожидания и предотвращать возможные негативные ситуации [51, р. 221].

Вторая составляющая принципа добросовестности – объективная – определяет в качестве общего стандарта соблюдение сторонами договорных отношений «разумных стандартов

честности», сохранение последовательности в отношениях, установление взаимодействия, направленного на достижение цели договора и содействия в достижении взаимной выгоды [11, с. 96–102].

В российской цивилистической доктрине также предлагается рассматривать в составе добросовестности объективную и субъективную составляющие. Субъективная составляющая добросовестности определяется как «извинительное незнание лица о каких-либо обстоятельствах, позволяющее ему игнорировать некоторые дефекты договора» [24]. В объективном смысле добросовестность выступает в качестве внешнего стандарта оценки поведения обычного честного участника договора, т. е. ожидаемого от него правопорядком поведения в сходных (типичных) обстоятельствах [12, с. 167].

На наш взгляд, подход, обусловленный данной моделью, не только является общим для рассматриваемых правовых систем Англии и России, но и соответствует принятому в теории российского права подходу, основанному на признании правовых принципов категориями объективно-субъективного порядка [10; 15, с. 6; 31, с. 4]. Как и сознание в целом, они связаны с общественными правилами, которые, прежде чем отразиться в юридических нормах, проходят через сознание законодателя, преломляются в его идеях и в любом случае остаются продуктом человеческого разума [7, с. 58].

Критерии применения и роль принципа добросовестности в защите слабой стороны договора

Понимание принципа добросовестности с точки зрения субъективной и объективной составляющих предполагает определение критериев для его применения и использования. Основная роль в этом в любом случае принадлежит правоприменителю, по большей части суду. Однако в цивилистической доктрине для раскрытия значения добросовестности также предлагаются различные критерии, а именно: для субъективной составляющей – критерий «знал – не знал», для объективной – отсутствие намеренного причинения вреда и соблюдение баланса интересов сторон договора, правомерность их поведения, а также проявление должной заботливости и осмотрительности о правах

и законных интересах другой стороны, публичных интересах и интересах третьих лиц [18, с. 62–67; 23, с. 24–28].

На наш взгляд, стоит поддержать использование для оценки субъективной составляющей добросовестности критерия «знал – не знал», на основе которого в настоящее время российские суды устанавливают неосведомленность участника об имеющих значение для дела обстоятельствах. При этом считается, что соответствующая неосведомленность не должна быть обусловлена виновным поведением этого лица, поскольку понятие добросовестности исключает одновременное наличие вины. Например, В. И. Емельянов утверждает, что «структура недобросовестности тождественна структуре категории вины, что свидетельствует о полном совпадении понятий “недобросовестность” и “вина”» [13, с. 23].

Представляется, что, несмотря на учет вины при установлении добросовестного поведения стороны договора, отождествление рассматриваемых категорий является все же неверным. Мы согласны с суждением С. В. Михайлова о том, что такое отождествление вольно или невольно возвращает в гражданское право категорию вины в том значении, которое она имеет в публичном праве. Кроме того, равенство вины и добросовестности противоречит потребностям гражданского оборота, согласно которым «лицо вправе ориентироваться на внешние, объективные проявления воли контрагента и не имеет обязанности выяснять психическое отношение лица к своему поведению» [26, с. 174–193].

Аналогично российской цивилистической доктрине в английском обязательственном праве субъективная составляющая добросовестности устанавливается через отношение честности и искренности к контрагенту по договору, предполагает отсутствие у стороны знания, имеющего значение для исполнения договора и подлежащего раскрытию другой стороне. Так, по делу *Yam Seng PTE Ltd v International Trade Corporation (ITC) Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), Rn. 137ff.

Помимо этого, как следует из практики английских судов, оценка объективной составляющей добросовестности включает в себя исследование реакции субъекта на объективно реальные договорные отношения. Для этого английские суды устанавливают следующие обстоятельства: соблюдение сложившихся стандартов договорных отношений; раскрытие сторонами необходимой информации; невведение в заблуждение и содействие друг другу и др.² В качестве недобросовестных трактовались действия, которые: саботируют исполнение договора; требуют раскрытия существенных фактов другой стороне³; предоставляют заведомо ложную информацию, на которую будет полагаться другая сторона сделки⁴, и др.

По мере расширения практики применения норм о добросовестности российские суды также вырабатывают концептуальные подходы к применению данного принципа. В частности, на основе обобщения судебной практики можно говорить об использовании судами следующих основных критериев оценки объективной составляющей добросовестности:

1. Учет сторонами прав и законных интересов друг друга и ненарушение баланса между ними. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ разъяснил, что при определении добросовестности суды исходят из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы других лиц. Такая модель объективной добросовестности вырабатывает в настоящее время в судебной практике в качестве общего ориентира, применяемого во всякой ситуации с учетом конкретных обстоятельств дела.

Как следует из информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 года № 147, «добросовестность, помимо прочего, предполагает отсутствие излишних обременений для одной из сто-

² См., например: *Interfoto Picture Library Ltd v Siletto Visual Programmes Ltd* [1989] QB 433, 439.

³ *Horn v Commercial Acceptances*. [2012] EWCA Civ 958.

⁴ *Bristol Rovers (1883) Ltd v Sainsbury's Supermarkets Ltd* [2016] EWCA Civ 160.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹ *Yam Seng PTE Ltd v International Trade Corporation (ITC) Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), Rn. 137ff.

рон договора, наличие баланса интересов, а также соответствие устоявшимся деловым обыкновениям» (п. 2, 3)¹.

Что касается соблюдения баланса интересов сторон договора, то важно подчеркнуть особую роль принципа добросовестности в защите слабой стороны договора в случае, когда договорные условия устанавливаются одной из сторон. Это, в частности, следует из статьи 428 ГК РФ: если условия договора определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей поставлена в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, такая сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора.

Аналогичным правом сторона договора наделена в том случае, когда не противоречащий закону договор лишает ее прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны либо содержит другие явно обременительные условия. При этом поведение второй, более сильной, стороны по установлению несправедливых договорных условий признается недобросовестным. Тем самым «слабая» сторона не имеет возможности повлиять на изменение договорных условий, что может быть при заключении кредитных договоров, договоров банковского вклада, долевого участия в строительстве и др.

Настоящее исследование показало, что в России имеется многочисленная судебная практика по включению в проект государственных или муниципальных контрактов явно несправедливых условий, на которые сторона, выигравшая конкурс, не может повлиять и оспаривание которых является затруднительным ввиду ограничений законодательства о контрактной системе². Включение в контракт или

иной договор аналогичных условий нарушает баланс интересов сторон.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах»³ приводятся подлежащие установлению судом обстоятельств по защите слабой стороны от несправедливых условий договора:

- фактическое соотношение переговорных возможностей сторон;
- было ли присоединение к предложенным условиям вынужденным;
- уровень профессионализма сторон, конкуренции на соответствующем рынке;
- наличие у присоединившейся стороны возможности заключить аналогичный договор с третьими лицами на иных условиях.

Способами защиты слабой стороны договора от недобросовестных действий другой стороны являются изменение или расторжение в судебном порядке договора, взыскание причиненных убытков (ст. 428, 15 ГК РФ), а также возможность заявления требования о признании отдельных положений договора недействительными (ст. 10, п. 1 ст. 168 ГК РФ).

Следует поддержать высказанное в юридической литературе мнение о необходимости признания в качестве общего условия недействительности сделки (условия сделки), не отвечающей требованиям добросовестности [8, с. 50–56]. Наличие в ГК РФ такой нормы позволит не только защитить слабую сторону договорных отношений, но и стимулировать участников с особым вниманием подходить к формулировке условий договора с точки зрения соблюдения баланса интересов сторон, а также исключения из них явно невыгодных для них условий.

2. Предоставление стороне полной или достоверной информации. Так, например, согласно статье 434.1 ГК РФ, стороны при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении должны: 1) предоставить друг другу полную и достоверную информацию, в том числе не умалчивать об обстоятельствах, которые должны быть доведены до сведения другой стороны; 2) не прекращать внезапно и неоправданно переговоры о заключении договора при обстоятель-

¹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 13 сент. 2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11

² См., например, постановления Арбитражного суда: Восточно-Сибирского округа от 11 апр. 2017 г. по делу № А 19-6126/2015; Центрального округа от 27 марта 2019 г. № Ф 10-668/2019 по делу № А 84-2141/2018; Уральского округа от 30 апр. 2019 г. № Ф 09-1011/19 по делу № А 60-47265/2018 // www.arbitr.ru.

³ Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

вах, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать.

3. Проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора. Как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей по искам государственных органов и органов местного самоуправления, устанавливая добросовестность приобретателя, суду стоит выяснить, проявил ли гражданин при заключении договора разумную осмотрительность, какие меры были им приняты для выяснения прав лица, отчуждающего квартиру, в частности, существовали ли на момент приобретения квартиры обременения, осматривал ли приобретатель жилое помещение до его приобретения. Так, о добросовестности приобретателя может свидетельствовать ознакомление со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, а также выяснение оснований возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности¹.

По нашему мнению, в применении рассматриваемого критерия Верховный Суд РФ установил достаточно завышенный стандарт добросовестного поведения стороны обязательственных отношений. Как следует из данного обзора, для подтверждения добросовестности покупателя ему недостаточно получить выписку на квартиру из Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) и осмотреть ее. Он должен тщательно изучить все документы не только продавца, у которого приобретается недвижимость, но и документы продавца своего продавца, а также выяснить, имелись ли притязания третьих лиц на данную недвижимость.

С нашей точки зрения, разумным было бы исходить из достоверности данных ЕГРН, поскольку в противном случае его существование теряет свой смысл.

4. Взаимное оказание необходимого содействия для достижения цели договора. Этот критерий добросовестности сторон договора следует из содержания пункта 3 статьи 307 ГК РФ. Как отмечалось выше, соответствующий критерий подлежит применению в практике ан-

глийских судов, признающих необходимость содействия сторон в целях достижения взаимной выгоды от договора [11, с. 96–102]. При этом содействие сторон договора, как полагает Т. В. Богачева, выражается в совершении в интересах друг друга дополнительных, не предусмотренных договором действий, и в проявлении для этого необходимой инициативы [3, с. 10]. Из информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ следует, что неисполнение стороной договора строительного подряда обязанности по сотрудничеству может учитываться при применении меры ответственности за неисполнение договорного обязательства².

Далее отметим, что нередко критерии недобросовестного поведения участников обязательственных отношений определяются в правоприменительных актах российских судов. Так, в качестве недобросовестных суды квалифицировали: действия сторон по согласованию заведомо несоразмерной цены оказываемой услуги³, исполнению работ в интересах государственных заказчиков при заведомом отсутствии надлежаще заключенного государственного контракта с контрагентом⁴; поведение арендатора, нарушающее баланс законных интересов участников правоотношений⁵. Недобросовестным поведением признано заключение мнимой сделки, включение в договор условий, противоречащих деловым обычаям, и др. [36].

В Постановлении Пленума ВАС № 62/2013 определен перечень недобросовестных действий лица, входящего в состав органов юридического лица (директоров), в том числе при совершении сделок. Пленум, в частности, разъяснил, что нарушение принципа добросовестности директором может быть выражено так: совершение сделки без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица; сокры-

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления: утв. Президиумом ВС РФ 25 нояб. 2015 г. // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2016. № 5.

² Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 24 янв. 2000 г. № 51 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 14 нояб. 2006 г. № 8259/06 // www.arbitr.ru.

⁴ Постановления Президиума ВАС РФ от 4 апр. 2013 г. № 37/13 и от 28 мая 2013 г. № 18045/12 // www.arbitr.ru; Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 25 февр. 2014 г. № 165 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 30 окт. 2010 г. № 9600/10 // www.arbitr.ru.

тие информации о совершенной им сделке от участников юридического лица либо предоставление им недостоверной информации в отношении соответствующей сделки. Особое значение имеет совершение директором сделки на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-однодневкой и т. п.) и др. Так, рассматривая требования ЗАО «Компания Интерспортстрой» к генеральному директору, арбитражный суд признал их обоснованными и взыскал с руководителя пени и штраф. По мнению суда, причиной понесенных Обществом убытков стало отсутствие у руководителя должной осмотрительности при заключении договора и перечисление денег на счета фирм-однодневок. Суд признал законным решение налогового органа в части доначислений недоимки, пени и штрафа по сделкам с фирмами-однодневками. При этом судебный акт, вынесенный по спору с налоговой инспекцией, был принят в качестве основного доказательства, подтверждающего обоснованность требований Общества¹.

Обобщая изложенное, заметим, что как в английской, так и российской судебной практике наблюдается общность в подходах к определению критериев добросовестности поведения участников обязательственных отношений. Среди таких критериев следует назвать: открытость и честность с контрагентом по сделке, в том числе недопустимость умолчания об обстоятельствах, имеющих существенное значение для другой стороны; предоставление полной и достоверной информации; учет интересов сторон и соблюдение баланса между ними; взаимное оказание необходимого содействия для достижения цели договора; проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора; соблюдение правил сложившихся деловых отношений и др.

В то же время проведенный анализ показывает, что в России на уровне доктрины и судебной практики сформировано более четкое представление о принципе добросовестности в сфере обязательственных отношений. В первых, из статьи 1 ГК РФ вытекает обязательность соблюдения принципа добросовестности,

что обеспечивает его более полную реализацию, обращая правоприменителя в случае пробела в праве к нравственному императиву, но не произвольному, а законодательно оформленному. В английском же обязательственном праве принцип добросовестности применяется в качестве этического стандарта, не закрепленного в нормах права, поэтому для его реализации используются различные договорно-правовые инструменты. Во-вторых, практика Высокого суда правосудия хотя и отступает от традиционного негативного отношения к принципу добросовестности, но делает это достаточно осторожно. Верховный суд Российской Федерации сформировал в данном отношении более четкие рамки и критерии добросовестности – как поведения, ожидаемого от любого участника договора. И это вполне оправданно, поскольку в применении принципа добросовестности нельзя исключить судебское усмотрение и, как следствие, отсутствие единого подхода к данному вопросу. Судьи разные, соответственно, у них разные правосознание, мировоззрение, жизненный опыт, образование, мораль и т. д. Однако все эти факторы оказывают решающее влияние на их представление о добросовестности.

Выводы

Резюмируя изложенное, в качестве основного вывода отметим, что как в английской, так и российской правоприменительной практике и доктрине наблюдается общность в подходах к определению сферы применения и критериев оценки соответствия поведения сторон обязательственных отношений принципу добросовестности. Принцип добросовестности применяется как условие, подразумеваемое правом, в составе иных юридических институтов и концепций, для очерчивания границ свободы усмотрения сторон договора, а также в случаях, когда они самостоятельно предусмотрели его выполнение в заключенном соглашении.

В то же время в России сформировано более четкое представление. Зафиксированная в статье 1 ГК РФ обязательность соблюдения принципа добросовестности обеспечивает его более полную реализацию, тогда как в Англии он применяется в качестве этического стандарта, не закрепленного в нормах права. При этом практика Высокого суда правосудия, отступая

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 нояб. 2015 г. № 09АП-45501/2015-ГК по делу № А40-16650/2015 // www.arbitr.ru.

от традиционно негативного отношения к принципу добросовестности, делает это довольно осторожно. Верховный Суд Российской Федерации установил критерии оценки добросовестности как поведения, ожидаемого от любого участника договора.

На основе анализа различных судебных решений можно заключить, что вопрос применения принципа добросовестности является достаточно сложным для практики российских и английских судов, поскольку сопряжен с оценкой различных нюансов. При этом обычно такие решения все равно принимаются исходя из субъективных представлений судей о добросовестности, что осложняет рецепцию полезных институтов и концепций из обязательственного права Англии в обязательственное право России. Несомненно, критерии оценки данного принципа и их корректное применение будут способствовать установлению оптимального баланса интересов участников в обязательственной сфере в целях поддержания делового сотрудничества и наиболее полного удовлетворения и защиты их интересов.

Исходя из этого концептуально стоит поддерживать используемый английскими и российскими исследователями подход к пониманию сущности категории добросовестности с учетом субъективной и объективной составляющих. С точки зрения субъективной составляющей, понимаемой как извинительное незнание лица о каких-либо обстоятельствах, – использовать критерий «знал – не знал». В объективном смысле – производить оценку добросовестности в качестве внешнего стандарта поведения обычного честного участника договора на основании следующих ключевых критериев: учет сторонами прав и законных интересов друг друга и ненарушение баланса между ними; предоставление полной или достоверной информации; проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора; оказание взаимного необходимого содействия для достижения цели договора; соблюдение правил сложившихся деловых отношений. Полагаем, что такое понимание принципа добросовестности, и в особенности критериев добросовестного поведения, позволит эффективно использовать его в обязательственном праве России и избежать противоречивой судебной практики.

Библиографический список

1. Бабаев В. Н. Презумпции в советском праве: учеб. пособие. Горький, 1974. 124 с.
2. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.
3. Богачева Т. В. Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 24 с.
4. Богданов Е. В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 13–15.
5. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Научная жизнь. 2016. № 1, т. 25. С. 178–182.
6. Борисова Л. В. Добросовестность как регулятор поведения участников гражданских правоотношений. // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БашГУ. Уфа, 2009. Ч. 1. С. 67–71.
7. Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь, 1992. 236 с.
8. Вердиян Г. В. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Вестник Финансового университета. 2012. № 3. С. 50–56.
9. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.
10. Витрянский В. В. Новый Гражданский кодекс и суд // Хозяйство и право. 1997. № 6. С. 75–86.
11. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. Н. С. Нерсисянца. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 96–102.
12. Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 187 с.
13. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. 160 с.
14. Клишкин С. О соотношении права и понятий «мораль» и «нравственность». URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 28.01.2020).
15. Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 303 с.
16. Кондратюк Д. Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на

примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 170 с.

17. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14.

18. Краснова С. А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62–67.

19. Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004. 349 с.

20. Кулаков В. В., Филиппова С. А. Поиграем в перевозку // ЭЖ-Юрист. 2015. № 44. С. 13–20.

21. Лаишев Н. С. Критический анализ возможности заимствования английских доктрин *waiver* и *estoppel* российским правом. URL: <http://отрасли-права.рф/article/22284> (дата обращения: 30.01.2020).

22. Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102–104.

23. Малиновский А. А. Нравственность в гражданском праве // Нотариус. 2007. № 5. С. 24–28.

24. Меняев А., Изюмова М. Общий принцип добросовестности в обязательственных правоотношениях, добросовестность в объективном и субъективном смысле: материалы семинара «Реализация принципа добросовестности в ГК РФ. Защита от недобросовестных действий контрагентов» [Электронный ресурс]. URL: <http://integra63.ru/info/articles/materialy-seminara-realizatsiya-printsipa-dobrosovestnosti-v-gk-rf-zashchita-ot-nedobrosovestnykh-de/> (дата обращения: 30.01.2020).

25. Михайлов А. «Разумный человек» (*reasonable man*) в английском праве. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/5651.html> (дата обращения: 30.01.2020).

26. Михайлов С. В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / под ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 174–193.

27. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. URL: <http://center-bereg.ru/b13498.html> (дата обращения: 30.01.2020).

28. Поляков М. А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика.

2011. № 1 (14). С. 385–389. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshepravovoy-printsip-dobrosovestnosti-v-sovremennom-rossiyskom-prave> (дата обращения: 20.01.2020).

29. Попова А. В. Понятие принципа добросовестности в обязательственном праве: европейский и российский подходы // Юрист. 2005. № 9. С. 2–6.

30. Потапова О. А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 172 с.

31. Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 33 с.

32. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014. 159 с.

33. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79–94.

34. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.

35. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 100–104.

36. Шестакова Е. В. Применение принципа добросовестности в судебной практике // Право доступа. 2017. URL: www.garant.ru (дата обращения: 28.01.2020).

37. Baker J. An Introduction to English Legal History (3rd ed, 1990). 673 p.

38. Barbour W. T. The History of contract in early English equity' in Paul Vinogradoff (ed) // Oxford Studies in Social and Legal History (1914). Vol. 4. Pp. 156–158.

39. Bridge M. G. Does Anglo-Canadian Contract Law Need a Doctrine of Good Faith? // Canadian Business Law Journal. 1984. Vol. 9. P. 426.

40. Goode R. The Concept of “Good Faith” in English Law. URL: <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htm> (дата обращения: 28.01.2020).

41. Korde R. Good Faith and Freedom of Contract // UCL Juris. Rev 2000. Pp. 142–159.

42. McKendrick E. Contract Law, Twelfth Edition, Palgrave Law Masters. Pp. 239–240.

43. O'Connor. Good Faith in English Law. 1990. 148 p.

44. Peden E. When Common Law Trumps Equity: The Rise of Good Faith and Reasonableness and the Demise of Unconscionability // Journal of Contract Law. 2005. Vol. 21. P. 226.

45. Sims V. Good Faith in English Contract Law: Of Triggers and Concentric Circles. Ankara

L. Rev. 2004. Pp. 213–232.

46. *Summers Robert S.*, “Good Faith” in General Contract Law and the Sales Provisions of the Uniform Commercial Code // *Virginia Law Review*. Vol. 54, Issue 2 (March 1968). Pp. 195–202.

47. *Stapleton J.* Good Faith in Private Law // *Current Legal Problems*. 1999. Vol. 52 (1). Pp. 27–29.

48. *Treitel G. H.* The Law of Contract. London, 2003. 1271 p.

49. *Wilken S. and Karim G.* The Law of Waiver, Variation and Estoppel. 2nd ed. Oxford, 2002. 538 p.

50. *Whittaker S.* Good Faith, Implied Terms and Commercial Contracts // *Law Quarterly Review*. 2013. № 129(3). Pp. 463–468.

51. *Yee W.P.* Protecting Parties’ Reasonable Expectations: A General Principle of Good Faith // *Oxford University Commonwealth Law Journal*. 2001. Vol. 1. January. Pp. 195–229.

52. *Zeller B.* Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG. URL: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/zeller2.html> (дата обращения: 30.01.2020).

References

1. *Babaev V. N.* *Prezumpcii v sovetskom prave* [Presumptions in Soviet Law]. Gorky, 1974. 124 p. (In Russ.).

2. *Belov V. A.* *Dobrosovestnost’, razumnost’, spravedlivost’ kak principy grazhdanskogo prava* [Good Faith, Reasonableness, Justice as the Principles of Civil Law]. *Zakonodatel’s tvo* – Legislation. 1998. Issue 8. Pp. 49–52. (In Russ.).

3. *Bogacheva T. V.* *Principy vzaimnogo so-dejstviya storon i ekonomichnosti v dogovornykh obyazatel’s tvakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Principles of Mutual Assistance of the Parties and Profitability in Contractual Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1982. 24 p. (In Russ.).

4. *Bogdanov E. V.* *Kategoriya «dobrosovestnosti» v grazhdanskom prave* [The Category of ‘Good Faith’ in Civil Law]. *Rossiyskaya yusticiya* – Russian Justitia. 1999. Issue 9. Pp. 13–15. (In Russ.).

5. *Bogdanova E. E.* *Princip dobrosovestnosti: sootnoshenie pravovykh i нравstvennykh aspektov* [The Principle of Good Faith: the Correlation of Legal and Moral Aspects]. *Lex Russica*. 2016. Issue 1. Pp. 178–182. (In Russ.).

6. *Borisova L. V.* *Dobrosovestnost’ kak regulyator povedeniya uchastnikov grazhdanskikh pravootnoshenij* [Good Faith as a Regulator of the Behavior of Participants in Civil Relations]. *Aktual’nye voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki i*

praktiki v sovremennykh usloviyakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Current Issues of the Development of Legal Science and Practice in Modern Conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2009. Part 1. Pp. 67–71. (In Russ.).

7. *Bugrov L. Yu.* *Problemy svobody truda v trudovom prave Rossii* [Problems of Freedom of Labor in the Labor Law of Russia]. Perm, 1992. 236 p. (In Russ.).

8. *Verdiyan G. V.* *Realizaciya principa dobrosovestnosti v sovremennom grazhdanskom prave* [Realization of the Principle of Conscientiousness in Modern Civil Law]. *Vestnik Finansovogo universiteta* – Bulletin of the Financial University. 2012. Issue 3. Pp. 50–56. (In Russ.).

9. *Vinichenko Yu. V.* *Razumnost’ v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: dis. kand. jurid. nauk* [Reasonableness in Civil Law of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2003. 190 p. (In Russ.).

10. *Vitryanskij V. V.* *Novyj Grazhdanskij kodeks i sud* [New Civil Code and Court]. *Khozyajstvo i pravo* – Business and Law. 1997. Issue 6. Pp. 75–86. (In Russ.).

11. *Dozhdev D. V.* *Dobrosovestnost’ (bona fides) kak pravovoj princip* [Good Faith (Bona Fides) as a Legal Principle]. *Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost’* / pod red. N.S. Nersesyanc [Political and Legal Values: History and Present; ed. by N. S. Nersesyants]. Moscow, 2000. Pp. 96–102. (In Russ.).

12. *Drozdova T. Yu.* *Dobrosovestnost’ v rossijskom grazhdanskom prave: dis. kand. jurid. nauk* [Good Faith in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2004. 187 p. (In Russ.).

13. *Emel’yanov V. I.* *Razumnost’, dobrosovestnost’, nezlopotreblenie grazhdanskimi pravami* [Reasonableness, Good Faith, Non-Abuse of Civil Rights]. Moscow, 2002. 160 p. (In Russ.).

14. *Klimkin S.* *O sootnoshenii prava i ponyatiy «moral’» i «nравstvennost’»* [On the Correlation between Law and the Concepts of ‘Morality’ and ‘Good Morals’]. Available at: <http://online.zakon.kz> (accessed 28.01.2020). (In Russ.).

15. *Komissarova E. G.* *Principy v prave i osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatel’s tva: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Principles in Law and Basic Principles of Civil Legislation: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 330 p. (In Russ.).

16. *Kondratyuk D. L.* *Nравstvenno-pravovye principy v grazhdanskom prave Rossii (na primere spravedlivosti, gumanizma, razumnosti i dobrosovestnosti): dis. ... kand. jurid. nauk* [Moral and Legal Principles in Civil Law of Russia (a Case Study of Justice, Humanism, Reasonableness and

Good Faith): Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 170 p. (In Russ.).

17. Konovalov A. V. *Princip dobrosovestnosti v novoy redakcii Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i v sudebnoj praktike* [Bona Fides Principle in the Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. Issue 4. Pp. 4–14. (In Russ.).

18. Krasnova S. A. *Opredelenie ponyatiya «dobrosovestnost'» v rossijskom grazhdanskom prave* [The Definition of the Concept of 'Good Faith' in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2003. Issue 3. Pp. 62–67. (In Russ.).

19. Kuznecova O. A. *Prezumpcii v grazhdanskom prave* [Presumptions in Civil Law]. St. Petersburg, 2004. 349 p. (In Russ.).

20. Kulakov V. V., Filippova S. A. *Poigraem v perevozku* [Let's Play the Transportation]. *EZh-Yurist* – EZh-Jurist. 2015. Issue 44. Pp. 13–20. (In Russ.).

21. Lashkov N. S. *Kriticheskij analiz vozmozhnosti zaimstvovaniya anglijskikh doktrin waiver i estoppel rossijskim pravom* [Critical Analysis of Implementing English Doctrines of Waiver and Estoppel into the Russian Law]. Available at: <http://отрасли-права.рф/article/22284> (accessed 30.01.2020). (In Russ.).

22. Malinovskij A. A. *Usmotrenie v prave* [Discretion in Law]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2006. Issue 4. Pp. 102–104. (In Russ.).

23. Malinovskij A. A. *Nravstvennost' v grazhdanskom prave* [Morality in Civil Law]. *Notarius* – Notary. 2007. Issue 5. Pp. 24–28. (In Russ.).

24. Menyayev A., Izyumova M. *Obshchij princip dobrosovestnosti v obyazatel'stvennykh pravootnosheniyakh, dobrosovestnost' v ob"ektivnom i sub"ektivnom smyslakh* [General Principle of Good Faith in Legally Binding Relations, Good Faith in the Objective and Subjective Meaning]: *materialy seminara «Realizaciya principa dobrosovestnosti v GK RF. Zashchita ot nedobrosovestnykh dejstvij kontragentov»* [Proceedings of the Seminar 'Implementation of the Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation. Protection against Dishonest Actions of Counterparties']. Available at: <http://integra63.ru/info/articles/materialy-seminara-realizatsiya-printsipa-dobrosovestnosti-v-gk-rf-zashchita-ot-nedobrosovestnykh-de/> (accessed 30.01.2020). (In Russ.).

25. Mikhajlov A. *'Razumnyj chelovek' (reasonable man) v anglijskom prave* ['Reasonable Man' in English Law]. Available at: <https://blog.pravo.ru/blog/5651.html> (accessed 30.01.2020). (In Russ.).

26. Mikhajlov S. V. *Znachenie kategorii dobrosovestnosti dlya obyazatel'stvennykh otnoshenij i posledstvij nedejstvitelnosti dogovorov cessii* [The Significance of the Category of Good Faith for the Obligations Relationship and the Consequences of the Invalidity of Assignment Agreements]. *Nedejstvitelnost' v grazhdanskom prave: problemy, tendencii, praktika: sbornik statej / pod red. M. A. Rozhkova* [Invalidity in Civil Law: Problems, Trends, Practice: Collection of Articles; ed. by M.A. Rozhkov]. Moscow, 2006. Pp. 174–193. (In Russ.).

27. Novickij I. B. *Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava* [The Principle of Good Faith in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2006. Issue 1. Vol. 6. Pp. 124–181. Available at: <http://center-bereg.ru/b13498.html> (accessed 30.01.2020). (In Russ.).

28. Polyakov M. A. *Obshchepravovoj princip dobrosovestnosti v sovremennom rossijskom prave* [General Legal Principle of Good Faith in the Modern Russian Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. Issue 1 (14). Pp. 385–389. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshepravovoy-printsip-dobrosovestnosti-v-sovremennom-rossijskom-prave> (accessed 20.01.2020). (In Russ.).

29. Popova A. V. *Ponyatie principa dobrosovestnosti v obyazatel'stvennom prave: evropejskij i rossijskij podkhody* [The Concept of the Principle of Good Faith in the Law of Obligations: European and Russian Approaches]. *Yurist* – Jurist. 2005. Issue 9. Pp. 2–6. (In Russ.).

30. Potapova O. A. *Principy grazhdanskogo prava: dis. kand. jurid. nauk* [The Principles of Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2002. 172 p. (In Russ.).

31. Sverdlyk G. A. *Principy sovetskogo grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [The Principles of Soviet Civil Law: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1985. 33 p. (In Russ.).

32. Sedova Zh. I., Zajceva N. V. *Princip estoppel' i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossijskoj Federacii* [The Principle of Estoppel and Waiver in the Commercial Turnover of the Russian Federation]. Moscow, 2014. 159 p. (In Russ.).

33. Sklovskij K. I. *Primenenie norm o dobroj sovesti v grazhdanskom prave Rossii* [Application of Good Faith Norms in Russian Civil Law]. *Khozyajstvo i pravo* – Business and Law. 2002. Issue 9. Pp. 79–94. (In Russ.).

34. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 180 000 slov i slovosochetaniy* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: 180 000 Words and Phrases]. Moscow, 2005. 1239 p. (In Russ.).
35. Chukreev A. A. *Dobrosovestnost' v sisteme principov grazhdanskogo prava* [Conscientiousness in the System of Principles of Civil Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2002. Issue 11. Pp. 100–104. (In Russ.).
36. Shestakova E. V. *Primenenie principa dobrosovestnosti v sudebnoj praktike* [Application of the Principle of Good Faith in Judicial Practice]. *Pravo dostupa* – Access Right. 2017. Available at: www.garant.ru (accessed 28.01.2020). (In Russ.).
37. Baker J. *An Introduction to English Legal History*. 3rd ed. 1990. 673 p. (In Eng.).
38. Barbour W. T. *The History of Contract in Early English Equity*; ed. by P. Vinogradoff. Oxford Studies in Social and Legal History. 1914. Vol. 4. Pp. 156–158. (In Eng.).
39. Bridge M. G. Does Anglo-Canadian Contract Law Need a Doctrine of Good Faith? *Canadian Business Law Journal*. 1984. Vol. 9. P. 426. (In Eng.).
40. Goode R. The Concept of «Good Faith» in English Law. Available at: <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htm> (accessed 28.01.2020). (In Eng.).
41. Korde R. Good Faith and Freedom of Contract. *UCL Jurisprudence Review*. 2000. Pp. 142–159. (In Eng.).
42. McKendrick E. *Contract Law*. 12th ed. Palgrave Law Masters. Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 239–240. (In Eng.).
43. O'Connor J. F. Good Faith in English Law. 1990. 148 p. (In Eng.).
44. Peden E. When Common Law Trumps Equity: The Rise of Good Faith and Reasonableness and the Demise of Unconscionability. *Journal of Contract Law*. 2005. Vol. 21. P. 226. (In Eng.).
45. Sims V. Good Faith in English Contract Law: Of Triggers and Concentric Circles. *Ankara Law Review*. 2004. Pp. 213–232. DOI: 10.1501/lawrev_0000000014. (In Eng.).
46. Summers R. S. “Good Faith” in General Contract Law and the Sales Provisions of the Uniform Commercial Code. *Virginia Law Review*. March 1968. Vol. 54. Issue 2. Pp. 195–202. (In Eng.).
47. Stapleton J. Good Faith in Private Law. *Current Legal Problems*. 1999. Vol. 52 (1). Pp. 27–29. (In Eng.).
48. Treitel G. H. *The Law of Contract*. London, 2003. 1271 p. (In Eng.).
49. Wilken S., Karim G. *The Law of Waiver, Variation and Estoppel*. 2nd ed. Oxford, 2002. 538 p. (In Eng.).
50. Whittaker S. Good Faith, Implied Terms and Commercial Contracts. *Law Quarterly Review*. 2013. Issue 129(3). Pp. 463–468. (In Eng.).
51. Yee W. P. Protecting Parties' Reasonable Expectations: A General Principle of Good Faith. *Oxford University Commonwealth Law Journal*. January 2001. Vol. 1. Pp. 195–229. DOI: 10.1080/14729342.2001.11421393. (In Eng.).
52. Zeller B. Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG. Available at: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/zeller2.html> (accessed 30.01.2020). (In Eng.).